

А.Я. Капустин

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье рассматриваются пространственно-временные характеристики международного права, которые характеризуют международное право как социальный нормативный регулятор межгосударственных отношений. При этом действие международного права в пространстве анализируется с учетом категории объектной сферы международного права и ее соотношения с категориями «пространственной» или «территориальной» сферы действия международного права. Кроме этого, в статье исследованы сложившееся в практике международно-правового регулирования использование понятий «территория» и «пространство» не только в смысле качественных характеристик действия норм международного права, но и как конкретного предмета международно-правовых отношений. В этих целях проводится анализ понятия территория и ее отдельных частей, сложившийся в доктрине и практике международного права, а также в национальном законодательстве России. Наряду с этим рассматриваются примеры устойчивого использования термина «пространство» применительно к отдельным объектам международно-правового регулирования (воздушное пространство, космическое пространство и др.), а также нового явления в международном праве – международно-правовых интеграционных пространств (единое экономическое пространство).

Рассматривая различные смыслы термина «пространства», вводится новое понятие «внутреннего пространства», под которым понимается нормативное наполнение сферы действия норм международного права или предметной сферы действия международного права. В этой связи отмечается, что исторический прогресс международного права сопровождался неуклонным расширением его внутренних границ.

Анализируется международно-правовое временное развитие, которое подчиняется тем же закономерностям социальных изменений, которые можно наблюдать и в иных социальных процессах или системах.

Ключевые слова: международное право, межгосударственные отношения, социальный нормативный регулятор, пространственная и территориальная сфера действия международного права. Международно-правовое временное развитие.

Обращение к рассмотрению пространственно-временных характеристик международного права дает прекрасную возможность поразмышлять о первичных понятиях международно-правовой теории, которые характеризуют международное право как социальный нормативный регулятор. Разумеется, международное право и внутригосударственное право выполняют различные социальные роли, хотя у них есть нечто общее, объединяющее их как именно правовые регуляторы: любое правовое явление имеет социально значимый смысл в его активном, деятельностном начале¹. При помощи международного нормативного регулирования становится возможным достижение устойчивого, эффективного и непрерывного порядка в международных отношениях. Международное право и его нормы обретают в этом смысле не только свое значение неко-

его внешнего способа упорядочивания международных отношений, но и не побоюсь этого слова – ценностно формирующего фактора международных отношений. Моральные истины и ценности в случае своего воплощения в нормах международного права получают мощный импульс для более целенаправленного и эффективного воздействия на поведение субъектов международной системы, всех без исключения – от государств до негосударственных акторов.

Международное право в целом, как и каждая его отдельная норма, имеет свое собственное пространственно-временное выражение, причем каждое из этих физических понятий (пространство и время) утрачивают в этом случае свой общепринятый естественнонаучный смысл и обретают характер своеобразной социальной атрибутики.

Международное право как социальный нормативный регулятор проявляет свои имманентно присущие качества в категории действия его норм², которая часто

¹ Бережнов А.Г. отмечает, что «именно деятельностное, преобразующее, регулятивное значение правовых представлений и имманентных им социальных притязаний только и делает их и все правовые проявления социально значимыми, актуальными, закономерными»/Философия права. Курс лекций: учеб.пособие: в 2 т. Т.1,Отв. Ред. М.Н.Марченко. М., 2011, с.386.

² Для С.В.Черниченко действие международного права синонимично понятию «жизни права». См.: Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Т.1: Современные теоретические проблемы. М., 1999, с.49.

связывается или даже подменяется такими понятиями как «международно-правовое регулирование», «эффективность международного права» и рядом других близких выражений. Не отрицая тесной связи данных категорий и понятий, следует отметить, что международное право и его нормы действуют в определенных пространственных пределах и в течение определенного времени. При этом действие международного права как целостного феномена не имеет каких-либо четких верхних временных границ, как впрочем и нижних, в силу исторической невозможности их установления. Нижние исторические временные границы появления международного права могут быть установлены лишь приблизительно на основе имеющихся исторических данных, которые, однако, могут со временем меняться.

Верхние исторические временные пределы действия международного права также не поддаются рациональному определению в силу наших весьма скудных представлений о далеком будущем человечества. Наши представления о будущем либо фантастичны, либо весьма приблизительны, точных дат или границ времени существования человечества никто пока не в состоянии указать.

Сказанное не мешает выдвинуть предположение о том, что международное право, как и иные социальные феномены, имеет определенную пространственно-временную устойчивость, то есть оно действует в каком-то смысле «вечно» (то есть с момента своего появления) в земном и окружающем нашу планету пространстве до тех пределов, в которых может в той или иной форме осуществляться человеческая деятельность.

Действие международного права и его норм в пространстве имеет свои особенности. С учетом того, что нормы международного права действуют, прежде всего, в отношениях между государствами³, очень ча-

сто в доктрине и практике международного права наблюдается параллельное использование терминов «пространственная» или «территориальная» сфера действия международного права⁴. Это связано, по всей видимости с тем, что в договорной практике государства имеют обыкновение указывать территориальную сферу действия международного договора, под которой обычно понимаются территории (полностью или частично) участвующих в нем государств. Эта практика нашла отражение в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, ст.29 которой именуется «Территориальная сфера действия договоров». В ней установлено, что «если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор обязателен для каждого участника в отношении всей его территории»⁵. Однако, можно ли на основании приведенного положения утверждать, что сферой действия договорных норм международного права являются территории участвующих в том или ином международном договоре государств? Очевидно, что нет, такого утверждения допускать нельзя, или, если исходить из противного, то только в отношении определенного числа двусторонних или многосторонних договоров.

В самом деле, вступая в международные правоотношения и заключая в этих целях тот или иной двусторонний или многосторонний договор государство стремится получить конкретные результаты от его действия, но в то же самое время оно обязуется способствовать или точнее создавать условия для достижения результатов со стороны других участников международного договора⁶. Именно в этом смысле речь идет о террито-

регулирования являются не все международные отношения независимых субъектов, а лишь та часть таких отношений, в регулировании которой возникла и осознана настоятельная социальная потребность». См.: Ушаков Н.А. Международное право: учебник. М., 2003, с.13. От себя добавим, что социальные потребности могут со временем изменяться и отпадать. Международное право, несмотря на свою консервативность, будет на это реагировать. Говоря о появлении новых социальных потребностей в международных отношениях нельзя исключать период «предправового» регулирования, то есть регулирования их иными социальными нормами (моральными, политическими, нормами «мягкого права» и др).

⁴ И.И.Лукашук отдает предпочтение понятию «пространственной сферы действия международного права», полагая, что категория «территориальной сферы действия международного права» менее точна, но она применяется в договорной практике удобства ради. См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. Указ. Соч., с.247.

⁵ Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 года/Действующее международное право. В 3-х томах Сост. Ю.М.Колосов и Э.С.Кривчикова. Т.1, М., 1999, с.352.

⁶ В процессе разработки проекта ст.29 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. в Комиссии

³ Соответственно, строго говоря, объектом действия или объектной сферой действия международного права являются межгосударственные отношения, или более точно отношения, которые складываются между субъектами международного права и регулируются его нормами. Профессор И.И. Лукашук называет объектной сферой действия международного права «круг регулируемых отношений». См.: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. Для студентов юрид. Фак. И вузов. М., 2005, с.245. Однако, есть и более широкие подходы к определению объектной сферы действия международного права, включающие все возможные межгосударственные отношения. Теоретически этот взгляд вполне адекватен, так как любой вид межгосударственных отношений потенциально способен стать объектом международно-правового регулирования и, наоборот, прекратить выступать в качестве такового. История международного права наглядно показывает постепенное расширение объектной сферы международно-правового регулирования, а также исключение из нее ранее урегулированных межгосударственных отношений. Следует согласиться с мнением профессора Ушакова Н. А. о том, что «объектом международно-правового

риальной сфере действия договора, поскольку только в пределах своего суверенного властвования государство самостоятельно обеспечивает действие всех правовых норм (и внутригосударственных и международно-правовых) всеми доступными законными средствами (органами государства, другими лицами), а вот за пределами своего суверенитета государство способно обеспечивать действие международно-правовых норм только в координации с другими субъектами международного права. В пользу такого вывода свидетельствует и текст ст.29 с названием, аналогичным предыдущей конвенции, Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 1986 года. В ней установлено, что «если иное намерение не явствует из договора или не установлено иным образом, то договор между одним или несколькими государствами и одной или несколькими международными организациями обязателен для каждого государства-участника в отношении всей его территории»⁷. Отсутствие зеркального обязательства для международной организации в данной формулировке свидетельствует только о том, что не имеет никакого смысла требовать от международных организаций, не обладающих суверенитетом и территориальным верховенством, лишает смысла требовать от них обеспечения соблюдения норм международного права на определенной территории, ввиду ее полного отсутствия.

Однако, термины «территория» и «пространство» могут не только конкурировать в качестве подходящих научных категорий для обозначения действия международного права, но и выступать предметом международно-правовых отношений, то есть они не будут служить цели обеспечения действия норм, а становится тем, по поводу чего складываются международные отношения между субъектами, регулируемые нормами международного права.

В этом смысле различают несколько различных видов территорий, которые становятся предметом

международного права ООН первоначальные варианты ее текста допускали возможность автоматического применения международных договоров на все территории государств-участников. В окончательной редакции ее текста, принятой по предложению советской делегации на Венской конференции по праву международных договоров 1968-1969 гг. (предложение внес И.И.Лукашук), речь шла «об обязательности договора для каждого его участника в отношении все его территории». См.: Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. Сост. И автор А.Н.Талалаев.- М., 1997, с.73.

⁷ Венская конвенция о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями 21 марта 1986 года/Действующее международное право. В 3-х томах Сост. Ю.М.Колосов и Э.С.Кривчикова. Т.1, М., 1999, с.385.

международно-правового регулирования, правовой режим устанавливается различным образом. При этом следует заметить, что в международно-правовой литературе встречается достаточно широкое значение понятия «территория», под которой понимается весь земной шар, включая его сухопутные и водные пространства, недра и воздушное пространство над ними, а также космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела⁸. Иными словами, все возможные объекты, обладающие пространственными характеристиками, могут рассматриваться как территория. В данном случае, понятие «территория» становится более широким по смыслу, чем «пространство».

Отсюда проводится различие между отдельными участками (частями) территории земного шара в зависимости от роли международного права в установлении их правового статуса. К таковым относят: государственную территорию, которая находится под государственным суверенитетом государства, осуществляющего свое территориальное верховенство в ее пределах; международные территории общего пользования (отдельные районы Мирового океана и воздушного пространства над ними, космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела и др.); а также территории со смешанным режимом (отдельные районы Мирового океана, а также международные реки, проливы, используемые для международного судоходства, международные каналы и некоторые острова).

Общим для двух последних разновидностей территорий является то, что на них не распространяется государственный суверенитет и, соответственно, они не могут относиться к государственной территории, а также то, что их международно-правовой режим устанавливается в соответствии со специальными международными соглашениями. Различия определяются функциональным назначением правовых режимов указанных видов международных территорий. Например, к международным территориям общего пользования относятся открытое море, воздушное пространство над ним, международный район морского дна за пределами континентального шельфа государств. Особенностью международно-правового режима международных территорий общего пользования является не допущение в любой форме его присвоения государствами. Кроме того, все государства пользуются равными правами на доступ и использование таких территорий (общее пользование). Подобный режим может устанавливаться в отношении отдельных территорий или их частей для урегулирования отдельных вопросов их использования на основе международных догово-

⁸ Копылов М.Н. Территориальные проблемы в современном международном праве/Международное право: учебник для бакалавров/под ред. А.Я. Капустина. – М., 2014, с. 217.

ров (демилитаризованные и нейтрализованные зоны). Особый международно-правовой режим установлен Договором об Антарктике 1959 года, в отношении территории, включающей материк Антарктиду и прилегающие к нему морские воды Атлантического, Индийского и Тихого океанов и острова. Географическая граница Антарктики проходит по линии антарктической конвергенции в пределах 40-60 градуса ю.ш. Территория действия данного договора устанавливается в его ст.6, которая предусматривает, что его положения применяются к району южнее 60 параллели южной широты, включая все шельфовые ледники, но ничто в договоре не ущемляет и никоим образом не затрагивает прав любого государства или осуществления этих прав, признанных международным правом в отношении открытого моря, в пределах этого района. Таким образом, предусматривая специальный международно-правовой режим Антарктики, договор сохраняет действие на этой территории других общепризнанных прав государств, установленных например, нормами международного морского или природоохранного права.

В свою очередь, международно-правовой режим территорий со смешанным режимом, например, прилегающая зона, исключительная экономическая зона или континентальный шельф допускает осуществление в их пределах суверенных прав и юрисдикции прибрежных государств в целях разведки, разработки и сохранения природных живых и минеральных ресурсов, использование энергии воды и ветра, а также охраны природной среды (только в отношении исключительной экономической зоны и континентального шельфа) или осуществление контроля и юрисдикции в специально установленных сферах, например, таможенной, санитарной и др. (прилегающая зона).

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что к некоторым из перечисленных объектов применение термина «пространство» является более устойчивым и сложившимся. Например, в Воздушном кодексе РФ 1997 г. (ст.1) говорится о воздушном пространстве над территорией Российской Федерации, включая воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем. В свою очередь в ст.1 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагской конвенции) установлено, что ее государства-участники признают, что «государства признают, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией». Иными словами в обоих правовых актах, как национальном, так и международно-правовом устанавливается, что воздушное пространство это нечто отличное от территории государства, которая по всей видимости включает сухопутную и водную территории. Данный акцент не требует особых пояснений, поскольку воздушное про-

странство над территорией государства может использоваться для целей международных авиационных полетов и сообщений, поэтому его режим отличается, от режима сухопутной территории и внутренних водных территорий. Последние при определенных условиях также могут быть объектом международно-правового регулирования.

Наконец, Закон о государственной границе РФ 1994 г. в ст.1 определяет, что в состав государственной территории, наряду с сушей, водами и воздушным пространством входят недра, а государственная граница, таким образом устанавливает пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Равным образом, космос и небесные тела в международных соглашениях, регулирующих космическую деятельность государств, именуется пространством. Например, в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. используется понятие «космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». Конечно, подобное определение объекта международно-правового регулирования носит функциональный характер, поскольку геофизические характеристики космоса и небесных тел существенно различаются.

Но международное право не только устанавливает принципы международно-правового статуса и международно-правовые режимы использования и деятельности в отдельных видах территорий и пространств. Начиная с прошлого столетия все большее развитие получает международно-правовое регулирование защиты и охраны окружающей человека среды, которое включает в качестве объектов определенные участки территорий или пространств (леса, воды, атмосферу, космическое пространство и т.д.). Иными словами, предметом озабоченности международного права становится не только сама территория и пространство, но и их качественное состояние, обеспечивающее устойчивое и безопасное развитие человечества.

К изложенному следует добавить еще одно прикладное использование термина «пространство» для целей международно-правового регулирования. Речь идет об экономических и ряде иных отношений, которые определяются как функциональные (экономические) пространства. Так, в 1992 г. между Европейским Союзом и Европейской ассоциацией свободной торговли и государствами-членами этих международных организаций был подписан Договор об образовании Европейского экономического пространства. Использование термина «пространство» в данном контексте предполагало установление общего рынка между участниками для обеспечения свободного движения товаров, рабочей силы, услуг и капиталов.

В 1999 г. между Россией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном был подписан Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, который ставил задачей формирование новой экономической общности государств-участников – Единого экономического пространства. Эта идея в конечном итоге получила реализацию в Договоре о создании Евразийского экономического союза 2014 года, целями которого являются создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения; стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза; всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Третья часть указанного договора посвящена «Единому экономическому пространству», в ней определяются основные направления согласованной макроэкономической политики, цели и принципы согласованной валютной политики. Согласно ст.2 договора о ЕАЭС 2014 года под «единым экономическим пространством» понимается пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура. Отсюда видно, что понятие «пространство» в данном договоре определяется как совокупность территорий государств-членов, на которых устанавливается соответствующий международно-правовой режим экономической деятельности. Создание Единого экономического пространства не устраняет государственных территорий государств-членов, поскольку последние сохраняют свой суверенитет и территориальное верховенство, а взаимодействию между ними осуществляется на основе «уважения общепризнанных принципов международного права, включая принципы суверенного равенства государств-членов и их территориальной целостности» (ст.3 договора).

По нашему мнению можно говорить о «внутреннем пространстве» действия норм международного права, понимая под этим предметную сферу действия. В этой связи следует заметить, что исторический прогресс международного права сопровождался неуклонным расширением его внутренних границ, пределов. Как и в других социальных феноменах, подверженных историческим переменам, каждый этап в развитии международного права несет на себе печать особого рода – некой смеси разумного, осознанного, можно даже сказать вечного начала, и его противоположности – начала эмоционального, преходящего, отражающего заблуждения и предрассудки обобщенного исторического человека той или иной эпохи.

Если кратко и емко попытаться определить пространственный прогресс международного права, а его внутреннее пространство бесспорно меняется в сторону увеличения или расширения, то можно сказать, что оно прошло путь от скромных межплеменных обычаев родового строя, освящавших вопросы торговли, войны и мира и разграничения территориальных претензий племен, до охватывающего земные (включая, подземные), водные (включая, подводные), воздушное и космическое пространство, которое как известно, не поддается каким-либо количественным замерам. Сегодня, как о сфере действия международного права (потенциальной или становящейся реальностью) говорят об информационном (виртуальном, киберпространстве). Если еще всего каких-то два десятилетия назад кибервойны занимали лишь воображение фантастов и их поклонников, то сегодня уже ООН, МККК и международно-правовая доктрина всерьез начали обсуждение вопросов киберугроз, кибервойн, (информационных угроз международной безопасности, использования информационно-коммуникационных систем в целях нанесения ущерба противнику), с тем, чтобы осмыслить и предложить возможные решения применения норм международного права для устранения или недопущения реализации подобных угроз международному правопорядку. Нет смысла подробно анализировать все возможные характеристики современного внутреннего пространства международного права, можно констатировать лишь тот факт, что оно не имеет застывшей формы, а развивается, меняется его структура и облик.

Международно-правовое временное развитие в принципе подчиняется тем же закономерностям социальных изменений, которые можно наблюдать и в иных социальных процессах или системах. Международное право – продукт времени, оно исторически меняется, хотя никто с достоверной точностью не определил момент возникновения первых его норм. В науке до настоящего времени продолжают дискуссии на тему к какому периоду следует относить появление международного права: кто-то видит его зародыши в первобытном строе, кто-то связывает его появление с мировыми религиями, кто-то считает, что оно появилось в современном смысле в Средние века в Европе и с тех пор постепенно развивается.

Как бы там ни было, какую бы систему отсчета международного права мы не взяли за основу, практически аксиоматичным выглядит положение о том, что на протяжении веков (или тысячелетий?) международное право постоянно меняется, причем характер изменений может быть определен как прогресс, т.е. его вектор развития явно имеет направление в сторону лучшего, то есть от низших примитивных форм к высшим, более развитым, зрелым. Конечно, в данном слу-

чае неизбежно встает вопрос, а что является причиной такого прогресса – чей-то внешний замысел, объективный ход исторического развития человечества или что-то еще? Нам представляется, что это не главное, важным, существенным является то, что внутреннее время международного права сохраняет его сущностные характеристики регулятора международных отношений. Международное право существовало в прошлом, оно есть сейчас и можно с уверенностью утверждать, что оно будет и в будущем. Конечно, время меняет формы, источники и другие внешние проявления международного права, но это не отменяет его социальной значимости и востребованности.

2014 год был свидетелем многочисленных дискуссий и в нашей стране и за рубежом о кризисе международного права, его крахе и даже исчезновении и. Много не только молодых и неискушенных творцов слов и идей, но и вполне состоявшихся солидных и уважаемых представителей политической и интеллектуальной элиты поупражнялись в решении задач на заданную тему: что бы нам такое сделать или придумать, чтобы «вдохнуть жизнь» в международное право, сделать его действующим, а не «бумажным», реальным, а не «виртуальным».

Библиографический список:

1. Венская конвенция о праве международных договоров 23 мая 1969 года/Действующее международное право. В 3-х томах Сост. Ю.М.Колосов и Э.С.Кривчикова. Т.1, М., 1999, с.352.
2. Венская конвенция о праве международных договоров. Комментарий. Сост. И автор А.Н.Талалаев.- М., 1997, с.73.
3. Копылов М.Н. Территориальные проблемы в современном международном праве/Международное право: учебник для бакалавров/под ред. А.Я. Капустина. – М. , 2014, с. 217.
4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учеб. Для студентов юрид. Фак. И вузов. М., 2005.
5. Ушаков Н.А. Международное право: учебник. М., 2003.
6. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Т.1: Современные теоретические проблемы. М., 1999.

References (transliteration):

1. Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov 23 maya 1969 goda / Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo. V 3-kh tomakh Sost. YU.M.Kolosov i E.S.Krivchikova. T.1, M., 1999, s.352.
2. Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov. Kommentariy. Sost. I avtor A.N.Talalayev.- M., 1997, s.73.
3. Kopylov M.N. Territorial'nyye problemy v sovremennom mezhdunarodnom prave / Mezhdunarodnoye pravo: uchebnyk dlya bakalavrov / pod red. A.YA. Kapustina. – M. , 2014, s. 217.
4. Lukashuk I.I. Mezhdunarodnoye pravo. Obshchaya chast': ucheb. Dlya studentov yurid. Fak. I vuzov. M., 2005.
5. Ushakov N.A. Mezhdunarodnoye pravo: uchebnyk. M., 2003.
6. Chernichenko S.V. Teoriya mezhdunarodnogo prava. V 2-kh tomakh. T.1: Sovremennyye teoreticheskiye problemy. M., 1999.

Что можно на это сказать? Не надо торопиться хоронить международное право, кризисные ситуации в международных отношениях возникают периодически, иногда они затягиваются на десятилетия и даже столетия. Известны «столетние войны» в средневековой Европе. Каким бы тяжелым испытанием для народов эти кризисы не становились, они не смогли ликвидировать или устранить из международной жизни международного права. Тяга к справедливости (а что, как не право в состоянии обеспечить высшую справедливость!?) всегда превосходила кризисы и невзгоды. Время не исчерпано международного права, оно живет, развивается, совершенствуется, но может быть не в прямолинейном фронтальном значении этого слова, а в диалектическом, т.е. через кризисы, противоречия, осложнения, оно неуклонно движется к восстановлению баланса разума, добра и справедливости в международных отношениях. Конечно, лицемерия, ложного пафоса и стремления навязать свою волю и односторонние, узкопонимаемые стандарты в международных отношениях хоть отбавляй, примеров тому несть числа. Но и сил сопротивления неимпериализму и гегемонизму тоже немало, именно они являются залогом того, что мы будем свидетелями дальнейшего прогресса международного права.